

С. С. Курочкин

Взгляды Д. А. Милютина на балканскую политику Российской империи в 1861–1877 гг.*

После окончания Крымской войны (1853–1856) восстановление и укрепление влияния Российской империи на Балканах и в Черноморском регионе было одним из приоритетных направлений внешней политики императора Александра II. Достижение данных целей в период проведения в стране в 1860–1870-е гг. широкомасштабных реформ требовало скоординированных усилий всего государственного аппарата. В данном контексте особое значение приобретает анализ подходов Д. А. Милютина к политике России в Балканском регионе с момента его назначения на пост военного министра 9 (21) ноября 1861 г. и до начала русско-турецкой войны 12 (24) апреля 1877 г.

В начале 1860-х гг. наиболее острым аспектом «восточного вопроса» оставалось нарастание в Османской империи национально-освободительного движения покоренных христианских народов в условиях острого соперничества европейских великих держав за укрепление своего влияния в этом стратегически важном регионе.

А. М. Горчаков, занявший пост министра иностранных дел в 1856 г., изначально придерживался мнения, что наилучшим путем ликвидации Крымской системы может стать сближение России и Франции. Он рассчитывал

* Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ, проект № 25-18-00670 «Российская политика “мягкой силы” и Османская империя XVIII – начала XX в.: поиск альтернативы военного противостояния».

воспользоваться стремлением Наполеона III вытеснить Австрию из Италии, чтобы добиться от него согласия на аннулирование части условий Парижского трактата¹. В рамках этого курса Россия заняла по отношению к Франции благожелательный нейтралитет в период австро-франко-пьемонтской войны 1859 г.

Д. А. Милютин считал, что целью политики Наполеона III был слом Венской системы 1815 г. и в перспективе «перестройка всего политического здания» Европы на выгодных для Франции условиях². Император французов после Крымской войны стал оказывать покровительство вассальным княжествам: Молдавии, Валахии, Сербии. Он стремился воспользоваться их стремлением добиться независимости от Османской империи, чтобы укрепить в них свое влияние и ослабить их связи с Россией³. Д. А. Милютин видел в избрании в 1859 г. А. Кузы одновременно господарем Молдавии и Валахии результат французских интриг⁴. В 1861 г. А. Куза выдвинул проект слияния Дунайских княжеств, опираясь на поддержку Франции и Англии. Под их давлением султан Абдул-Меджид выпустил фирман, содержавший согласие на объединение княжеств, хотя Россия, Австрия и Пруссия выступали за созыв международной конференции по этой проблеме.

В конце 1858 г. в Сербии начался кризис, вызванный низложением скупщиной князя А. Карагеоргиевича и избранием Милоша Обреновича. Возникла угроза военного вмешательства со стороны Османской империи. В том же году начался черногорско-турецкий конфликт, связанный с поддержкой князем Черногории Данило I восстания в Герцеговине; в апреле 1858 г. турецкая армия направилась к Грахову, но 1 (13) мая потерпела поражение. Россия и Франция провели совместную военно-морскую демонстрацию, направив в Адриатическое море эскадры. Султан Абдул-Меджид согласился по конвенции от 27 октября (8 ноября) 1858 г. урегулировать пограничный спор в пользу Черногории. Милош был признан князем Сербии; после его смерти в 1860 г. преемником стал его сын Михаил.

По оценке Д. А. Милютина, вне территории автономий христианское население Османской империи «бедствовало в самом безнадежном состоянии»; при этом «христианские подданные султана все еще смотрели на Россию как на естественную свою покровительницу»⁵. В российском правительстве увеличивались опасения, что рост недовольства среди христианского населения Турции может перерасти в восстание. В 1860 г. российский МИД предлагал заключить соглашение между великими державами о совместном контроле над исполнением взятых Портой в 1856 г. обязательств провести реформы, направленные на улучшение положения турецких христиан. Но это предложение не встретило поддержки. После этого, по оценке Д. А. Милютина, «стало невозможным для русского правительства по-прежнему успокаивать христианское население и советовать ему терпеливо ожидать улучшения своего положения»⁶.

В начале 1861 г. в Боснии и Герцеговине начались волнения, которые поддержал князь Черногории Никола I. Князь Сербии Михаил в августе 1861 г.

на Преображенской скопщине, опираясь на поддержку России и Франции, добился принятия «Закона об устройении народного войска», по которому мужчины от 20 до 50 лет подлежали призыву на военную службу. В начале 1862 г. помощник министра юстиции Сербии М. Петроневич вел в Санкт-Петербурге переговоры о предоставлении Сербии займа, а также о продаже оружия для сербской армии. Александр II поручил военному министру проработать возможность передачи Сербии оружия при условии секретности.

3 (15) июля 1862 г. в Белграде произошло столкновение между местными жителями и солдатами турецкого гарнизона. В городе начались волнения, а 5 (17) июля комендант крепости Калемегдан приказал открыть огонь по городу из крепостных орудий, разрушив или повредив 157 домов. В ответ сербские войска приступили к осаде крепости. Князь Михаил потребовал от султана вывести турецкие гарнизоны из 6 крепостей на территории Сербии. В ходе переговоров между представителями 5 держав, князем Михаилом и Портой было решено вынести вопрос на конференцию в Константинополе. По ее итогам турецкие войска должны были очистить крепости Ужица и Сокол, но сохраняли контроль над крепостями Семендрия, Шабач, Белград и Ада-Кале⁷.

Одновременно Д. А. Милютин вел подготовку к передаче Сербии оружия⁸. Ружья из Киевского и Херсонского артиллерийских складов должны были быть под видом продажи частному лицу переданы сербскому агенту Николичу⁹. В предписании генерал-майору Н. П. Соловьеву от 12 сентября 1862 г. Д. А. Милютин подчеркивал, что это дело «ведется под большой тайной» и что ему «не следует давать ход гласный, официальный»¹⁰. Руководить передачей оружия должен был полковник для особых поручений при военном министре Я. А. Слуцкий¹¹. Официально, согласно квитанции от 15 октября 1862 г., оружие было продано «американскому подданному, негоцианту Адаму Кольбергу», «с непременным обязательством вывести таковое не только из России, но и за пределы Европы»¹². Всего агенту сербского правительства было передано (с принадлежностями) в разобранном виде ружей 39 200 шт.: 7-линейных пехотных нарезных — 3 тыс.; пехотных гладкоствольных новоударных — 25 тыс.; пехотных гладкоствольных переделочных¹³ — 11 тыс.; драгунских гладкоствольных — 200. Также было передано сабель 2455, шашек казачьих — 545¹⁴. Груз должен был быть упакован в укупоренные опломбированные ящики и перевезен из Херсона в Аккерман по воде, затем — до Болграда на подводах, которые должен был прислать Николич. После этого оружие должно было небольшими партиями через сутки отправляться в Сербию через территорию Дунайских княжеств¹⁵. Я. А. Слуцкому предоставлялся «пропускной вид», чтобы «ящики, без раскупорки их, немедленно выпущены были из таможни для отправления по назначению»¹⁶.

В 1862 г. черногорско-турецкий конфликт перерос в войну; по приказу взошедшего на престол в 1861 г. султана Абдул-Азиза турецкие войска вторглись в Черногорию, но захватить ее не смогли¹⁷. Дипломатическое вмешательство

России и Франции позволило предотвратить разгром княжества и смягчить условия невыгодного для Черногории мирного договора от 17 (29) августа 1862 г.

Тенденция на сближение России с Францией была прервана Польским восстанием 1863–1864 гг. Д. А. Милютин предполагал, что в 1863 г. Наполеон III «задумал стать во главе грозной коалиции, перед которой, по его расчету, русское правительство не могло не преклониться и не согласиться на всякие уступки в пользу поляков»¹⁸. На этом фоне Александр II начал склоняться к сближению с Пруссиею: она выступала соперником Австрии в деле объединения Германии, и это могло стать почвой для выработки совместной позиции по вопросу денонсации ограничительных статей Парижского мира. Д. А. Милютин открыто не выступал против изменения внешнеполитического курса, но в период австро-прусско-датской войны 1864 г. и австро-прусско-итальянской войны 1866 г. высказывал опасения относительно экспансионистских стремлений канцлера О. фон Бисмарка и прусского короля¹⁹.

11 (23) февраля 1866 г. в Молдавии и Валахии произошел переворот, в ходе которого А. Кузя отрекся от престола. На созванной в Париже 26 февраля (10 мая) 1866 г. конференции стран — подписавших Парижского договора 1856 г. Франция выступала за узаконение слияния Дунайских княжеств, тогда как российский представитель А. Ф. Будберг настаивал на вынесении этого вопроса на усмотрение «представительных собраний в Бухаресте и в Яссах». Однако временное правительство в Бухаресте издало декрет об избрании единого господаря (кандидатом стал принц Карл Гогенцоллерн). Хотя в Молдавии существовала сильная оппозиция объединению, 1 (13) мая принц Карл был провозглашен избранным на престол обоих княжеств. Д. А. Милютин характеризовал это как дипломатическое поражение. 12 (24) октября князь Карл I получил от султана Абдул-Азиза фирман инвеституры. В апреле 1866 г. султан признал наследственные права хедива Египта Измаил-паши.

На фоне этих событий князь Михаил поднял вопрос об уравнении Сербии в правах с Соединенными княжествами Молдавии и Валахии. Также в 1866 г. началось восстание христианского населения на о. Кандия (Крит). А. М. Горчаков вступил в переговоры с правительствами Англии и Франции, предложив совместно на основании Лондонского протокола от 22 января (3 февраля) 1830 г. обратиться к Порте и «войти с нею в соглашение о способах успокоения населения Кандии»²⁰. Однако английское и французское правительства, напротив, выразили поддержку Абдул-Азизу в стремлении подавить восстание. После этого А. М. Горчаков стремился прийти к соглашению с Францией о признании присоединения Кандии к Греции или о признании острова автономным княжеством, но не встретил поддержки. Характеризуя позицию А. М. Горчакова, Д. А. Милютин писал, что «сначала он вел дело с большою энергией, насколько это было совместимо с твердым намерением не доводить дела до войны»²¹.

Князь Сербии Михаил в 1865–1868 гг. стремился договориться с Румынией, Черногорией, Грецией, болгарскими революционерами о совместных действи-

ях с целью свержения турецкой власти («Балканский союз»)²². Столкнувшись в 1867 г. с волнениями в нескольких частях Османской империи (на о. Кадия, в Эпире и Болгарии), султан Абдул-Азиз вынужден был согласиться на вывод в марте 1867 г. турецких гарнизонов из крепостей на территории Сербии. При этом основные силы турок были брошены на подавление восстания на о. Кандия. В меморандуме от 6 (18) апреля 1867 г. А. М. Горчаков изложил программу реформ, направленных на стабилизацию внутриполитической ситуации в Османской империи: предлагалось создать ряд автономных провинций в тех ее частях, где преобладало христианское население. Но французский кабинет не сочувствовал данным планам, поскольку целью Парижа было сохранение Турции централизованной, но находящейся в экономической зависимости от Франции²³.

В апреле 1867 г. Россия, Пруссия, Франция, Австро-Венгрия, Италия выступили с коллективной нотой, требуя прекратить кровопролитие на острове. Однако, опираясь на поддержку Англии, Порта отвергла эти требования. В такой обстановке в октябре 1867 г. А. М. Горчаков обратился к французскому правительству с предложением составить коллективную декларацию великих держав (России, Пруссии, Франции, Италии) к Порте, согласно которой «европейские Кабинеты, видя нежелание Порты сообразоваться с их советами, слагают с себя всякую ответственность за дальнейшие последствия»²⁴. Д. А. Милютин негативно оценивал последствия этого шага, поскольку он означал фактическое отстранение от событий на о. Кандии²⁵.

В 1867 г. в Сербии продолжались военные приготовления, и князь Михаил обратился с прошением прислать российских офицеров для оценки боеготовности сербской армии, на что было получено высочайшее разрешение. В составе группы были полковник Генерального штаба Г. А. Леер, инженер-полковник В. И. Постельников, капитан гвардейской конной артиллерии Н. А. Снесарев. Также в письме от 25 апреля (7 мая) 1867 г. сербский военный министр М. Блазнавац обращался с просьбой предоставить продовольственные запасы, артиллерийских лошадей и другое военное имущество для предполагаемого выступления «Балканского союза»²⁶.

Однако российские офицеры пришли к выводу о неготовности Сербии к конфронтации с Османской империей; с их помощью были составлены общие соображения относительно плана действий в случае войны и ряд конкретных рекомендаций. Большинство из них, однако, остались без исполнения, из-за чего Г. А. Леер и В. И. Постельников уехали из Сербии. Н. А. Снесарев после посещения скопщины заключил, что демонстративные приготовления сербского правительства связаны с настроениями народных масс, сочувствующих идеям антитурецкого восстания и надеющихся на поддержку России, тогда как князь и его министры стремятся оттянуть прямое столкновение. Далеко не все представители сербского правительства ориентировались на Россию (часть придерживалась профранцузских и проавстрийских позиций). Д. А. Милютин заключил, что Сербия «не готова, да и не готовится серьезно к войне»²⁷.

Тем не менее в письме от 30 июня (12 июля) М. Блазнавац обратился к Д. А. Милотину с новым прошением об обучении сербских офицеров в России и о предоставлении стрелкового оружия и предметов артиллерийской материальной части (образцов артиллерийской сбруи, ударных трубок). Для приемки этих грузов в Россию были направлены сербские агенты Николич и Радонич²⁸. В справке А. А. Баранцова от 9 октября 1867 г. было указано, что сербский агент Николич под именем Валерия Петрова прибыл в Николаев, чтобы принять оружие и военное имущество: 32 тыс. гладкоствольных и 14 500 нарезных ружей с принадлежностями, 3 млн чашечек (для пуль Минье), 5 или 6 тыс. ударных трубок, 15 тыс. капсюлей к ударным трубкам, 25 калибровок²⁹. В отношении А. А. Баранцова к П. Н. Стремоухову от 24 октября (5 ноября) 1867 г. было отмечено, что агент сербского правительства Радонич, получавший 20 тыс. ружей из Рижского арсенала, должен был обеспечить их перевозку водным путем в Гамбург и передать на хранение торговому дому, который должен был выдать квитанцию о том, что оружие приобретено для продажи за пределами Европы. Также сербское правительство обратилось с просьбой разрешить закупить в южных губерниях России 2000 лошадей с проводом до границы Сербии³⁰. Также в 1868 г. правительство Черногории обратилось к России с ходатайством об отпуске с военных складов патронташей для Черногорской милиции³¹.

Снятие в 1867 г. князем Михаилом первого министра М. Гарашанина с поста и назначение на этот пост военного министра М. Блазнавца (воспринятое в России как шаг к сближению с Австро-Венгрией) привело к охлаждению отношений между Сербией и Россией, за чем последовало высочайшее повеление приостановить выдачу субсидий Сербии. В письме Н. А. Снесареву военный министр писал: «Вы знаете, что мы не только не побуждали Сербию готовиться к войне с Турцией, но выставляли ей всю опасность опрометчивого образа действий и предупреждали, что ни в каком случае она не должна рассчитывать на принятие нами участия в этой войне; мы не связали себя никакими обещаниями материальной поддержки»³². В дальнейшем идея антитурецкого «Балканского союза» Сербии, Румынии, Черногории, Греции и болгарских повстанцев в 1868 г. не была реализована из-за неблагоприятной международной обстановки, недоверия между потенциальными союзниками и взаимоисключающего характера их национальных проектов. Убийство 29 мая (10 июня) 1868 г. князя Михаила и восшествие на престол его племянника, князя Милана, привело к окончательному распаду «Балканского союза»³³.

По оценке Д. А. Милотина, начало 7 (19) июля 1870 г. франко-прусской войны оказалось для Европы неожиданным. 15 (27) октября в Царском Селе Александр II объявил министрам о своем намерении воспользоваться неблагоприятным для Франции ходом войны для денонсации ограничительных статей Парижского мира (1856). Д. А. Милотин поддержал данное намерение, но рекомендовал «ограничиться заявлением об отмене статей Парижского трактата,

относящихся лишь к Черному морю, не касаясь вопроса территориального»³⁴. За этим последовала циркулярная депеша А. М. Горчакова от 17 (29) октября, по которой Петербургский кабинет объявлял о денонсации 11-й, 13-й и 14-й статей Парижского договора. В связи с возможным обострением было принято решение о принятии мер к обороне Черноморского побережья³⁵. Но без поддержки Франции и при благожелательной по отношению России позиции Пруссии Англия была вынуждена признать случившееся, и решением Лондонской конференции 1 (13) марта 1871 г. «нейтрализация» Черного моря была отменена.

После объединения Германии вокруг Пруссии в 1871 г. (после ее победы во франко-прусской войне) Д. А. Милютин видел в ней наиболее опасного потенциального противника России³⁶. Он с настороженностью относился к наметившейся тенденции на сближение России с Германией и Австро-Венгрией, оформившейся в 1873 г. в Союз трех императоров³⁷. Если Александр II в первой половине 1870-х гг. рассматривал союз с Германией как взаимовыгодный и устойчивый, то Д. А. Милютин настаивал на необходимости учета возможности конфликта с этими государствами в обозримом будущем³⁸. Изменение ситуации в Европе не заставило Военное министерство ослабить внимание к южному направлению; в 1873 г. Н. Н. Обручев был командирован в Османскую империю³⁹. Он дал невысокую оценку боеготовности турецкой армии и предположил, что при дальнейшем ослаблении Турции Греция будет претендовать на роль ведущей региональной державы и станет противодействовать влиянию России в регионе; он рекомендовал «проводить последовательную политику поддержки болгар в противовес грекам»⁴⁰.

Когда в Россию пришли сведения о начале антитурецкого восстания в Боснии и Герцеговине, 27 ноября 1875 г. Д. А. Милютин обсудил этот вопрос с А. М. Горчаковым и получил от него ответ, что «он надеется уладить и не довести дело до нашего военного вмешательства»⁴¹. Однако в начале февраля 1876 г. в Петербурге стало известно, что князья Сербии и Черногории (несмотря на предупреждение, что на поддержку России им не следует рассчитывать) начали переговоры с Грецией о союзе против Турции⁴². Император Александр II ответил отрицательно на предложение военного министра начать «приготовления по военной части». В дневнике (запись от 28 февраля) Д. А. Милютин высказал опасения, что «весной все славянские области Турции возьмутся за оружие»⁴³. Он констатировал, что в основе Балканского кризиса лежат глубокие противоречия, и сомневался, что Порта способна осуществить реформы, всерьез меняющие положение христианских подданных султана. Но в марте император имел «самое твердое, непоколебимое желание не допустить общего разгара войны на Балканском полуострове»⁴⁴.

Однако, когда в апреле 1876 г. восстание распространилось на Болгарию, давление на Александра II усилилось. Среди сочувствующих «славянскому делу» были императрица и наследник-цесаревич; идеи панславизма

пользовались популярностью в обществе⁴⁵. Против вступления России в войну были А. М. Горчаков, министр внутренних дел А. Е. Тимашев, министр финансов М. Х. Рейтерн, министр государственных имуществ П. А. Валуев, вел. кн. Константин Николаевич, рассчитывавшие на разрешение кризиса дипломатическим путем⁴⁶. В ходе визита Александра II в Берлин в мае 1876 г. А. М. Горчаков предпринял попытку выработать совместную позицию России, Германии и Австро-Венгрии. Он выступал за предоставление автономии славянским областям европейской части Турции, но австрийский министр Д. Андраши добился того, что в итоговом Берлинском меморандуме требования к Порте заключались в перемирии с повстанцами и восстановлении разрушенных хозяйств. Однако после свержения султана Абдул-Азиза Турция, опираясь на поддержку Англии, проигнорировала меморандум.

После объявления Сербией (18 (30) июня 1876 г.) и Черногорией войны Османской империи Александр II сохранял надежду, что в случае успехов их армий можно будет установить новое положение на Балканах при поддержке Австро-Венгрии и Германии⁴⁷. Но ухудшившееся положение Сербии и Черногории летом 1876 г. заставило императора начать пересматривать свою позицию. 15 (27) июля 1876 г. он в разговоре с военным министром заявил: «Конечно, если нас заставят воевать, — мы будем воевать; но я не должен сам подать ни малейшего повода к войне»⁴⁸. Александр II опасался, что, поскольку союз с Германией и Австро-Венгрией носил оборонительный характер, «они не сочтут себя обязанными поддерживать нас в случае инициативы с нашей стороны, в случае наступательных наших предприятий, и в этом случае может выйти то же, что было в Крымскую войну, — опять вся Европа опрокинется на нас»⁴⁹. Д. А. Милотин в конце июля констатировал, что в непоколебимости Союза трех императоров возникает все больше сомнений.

Д. А. Милотин писал в дневнике, что правительство в 1876 г. обвиняли в пассивности, вызванной неготовностью российской армии к войне⁵⁰. 29 июня он представил императору данные, подготовленные Мобилизационным комитетом при Главном штабе, чтобы «объяснить Государю и великим князьям истинное положение дел и устраниТЬ, по крайней мере, у них ту тревожную мысль, будто мы теперь уже вовсе не можем вести войны»⁵¹. Министр был убежден, что «никогда армия наша не была в такой готовности к войне, как теперь».

После переговоров в Рейхштадте между Александром II и австрийским императором Францем-Иосифом 26 июня (8 июля) 1876 г., проведенных для согласования возможных изменений на Балканах при различных сценариях развития кризиса, между сторонами осталось много противоречий. 31 августа (12 сентября) Д. А. Милотин после разговора с А. М. Горчаковым отметил, что «настоящее положение дел вовсе не внушает доверия к успешному результату нашей дипломатии»⁵². 25 сентября (7 октября) Д. А. Милотин записал в дневнике, что император «потерял надежду на коллективное решение вопроса и с прискорбием видит необходимость изолированного действия»⁵³.

К началу октября 1876 г. Д. А. Милютин получил составленный Н. Н. Обручевым предварительный план ведения войны. Военный министр в целом одобрил этот план и использовал его, чтобы убедить императора в готовности армии к действиям⁵⁴. На совещании 4 (16) октября 1876 г. Д. А. Милютин изложил императору планы мобилизации, которые были одобрены.

Отправка Н. Н. Обручева, являвшегося доверенным лицом военного министра, в Вену в конце октября 1876 г. для помощи российскому послу Новикову в выработке русско-австрийской конвенции на случай войны России с Турцией, свидетельствовала о стремлении Д. А. Милютина участвовать в дипломатической подготовке кампании независимо от МИД.

Хотя согласие Порты на двухмесячное перемирие давало надежду на урегулирование конфликта посредством проведения международной конференции, император все более склонялся к необходимости военного решения в случае безрезультатности дипломатических усилий, что нашло отражение в речи, произнесенной им в Большом кремлевском дворце 29 октября (10 ноября) 1876 г.⁵⁵ После высочайшего повеления о начале частичной мобилизации русской армии 1 (13) ноября 1876 г. началась ускоренная подготовка к началу боевых действий. После созыва 11 (23) декабря 1876 г. Константинопольской конференции император считал несовместимым с достоинством России отступление от предъявленных Порте требований о проведении под международным контролем реформ, направленных на улучшение положения христиан в Османской империи. Демобилизацию русской армии он допускал не иначе, чем после значимых уступок со стороны Порты. Поэтому демарш султана Абдул-Хамида II в начале 1877 г. значил для него «фактическое бессилие применения коллективного европейского права» для решения «восточного вопроса»⁵⁶.

По мнению Д. А. Милютина, в первые месяцы 1877 г. император колебался, опасаясь перспективы коалиционной войны против России⁵⁷. Стремясь убедить императора в готовности армии, Д. А. Милютин поручил Н. Н. Обручеву подготовить записку «Наше политическое положение», которая была представлена на совещании 8 (20) февраля 1877 г. Д. А. Милютин признавал трудности, связанные с незавершенностью военных реформ и отсутствием у России союзников⁵⁸. Но далее он отмечал, что, «как ни бедственна война для России, однако же избегнуть ее можно не иначе, как добившись мира почетного; распустить наши войска прежде, чем добьемся такого мира, мы не можем; а добиться его можем, только подняв голос и опираясь на нашу военную силу»⁵⁹. Он доказывал, что, несмотря на «переходное состояние», армия готова осуществить планируемое наступление. В заключение предлагалось выдвинуть Порте ультиматум, по которому та должна согласиться на проведение реформ в славянских областях, на заключение мира с Сербией и Черногорией. В случае отказа следовало начать боевые действия. Эта позиция к середине февраля нашла поддержку у императора: «Государь признал и ясно заявил, что, как ни желательно избегнуть

войны, однако ж надо было добиваться мира не какого-нибудь, не во что бы то ни стало, а мира почетного, сообразного с достоинством России»⁶⁰.

Хотя А. М. Горчаков, П. А. Валуев и М. Х. Рейтерн сохраняли надежду на Лондонский протокол, турецкий циркуляр, полученный 30 марта (11 апреля) 1877 г., развеял, по оценке военного министра, последние сомнения в том, что «Порта решилась на войну»⁶¹. В шифрованной телеграмме военного министра от 30 марта (11 апреля) 1877 г. главнокомандующему действующей армии вел. кн. Николаю Николаевичу сообщалось: «...государь император благоволил определить 12 апреля днем, в который будет объявлена война Турции, и все русские войска перейдут Дунай»⁶².

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода Д. А. Милютин был сторонником прагматического внешнеполитического курса. Он считал, что России после Крымской войны требуется время для решения ее внутриполитических задач, одной из которых являлась модернизация вооруженных сил⁶³. Поэтому в вопросах международных отношений необходимо было брать в расчет текущие военные возможности страны⁶⁴.

Он признавал, что влияние России на Балканах после Крымской войны было ослаблено, и поддерживал использование различных средств для его укрепления. Но также учитывал, что обострение «восточного вопроса» может до завершения военных реформ привести к втягиванию России в войну (не только с Турцией, но и с коалицией европейских держав), и поэтому поддерживал стремление А. М. Горчакова склонить Порту к проведению реформ и предотвратить «взрыв» среди православного населения Османской империи. Однако в ходе Восточного кризиса 1875–1877 гг. позиция военного министра начала меняться. Летом 1876 г. он еще сохранял надежду на разрешение кризиса за счет совместных дипломатических усилий России, Германии и Австро-Венгрии в рамках Союза трех императоров. Но в дальнейшем он стал склоняться к неизбежности войны и оппонировал министрам, стремившимся к ее предотвращению даже ценой падения международного престижа Российской империи. Впоследствии Д. А. Милютин доказывал правильность своей оценки достаточной готовности вооруженных сил к ведению крупномасштабной войны⁶⁵. Успешные действия российской армии и заключение выгодного для России Сан-Стефанского прелиминарного мира укрепили авторитет военного министра в глазах императора, в результате чего его влияние (в том числе на внешнюю политику) в 1878–1881 гг. в сравнении с предшествующим периодом возросло.

¹ Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 224.

² Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860–1862. М., 1999. С. 214.

- ³ Милотин Д. А. Воспоминания... 1863–1864. М., 2003. С. 201.
- ⁴ Милотин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. С. 229.
- ⁵ Там же. С. 232.
- ⁶ Там же. С. 234.
- ⁷ Там же. С. 436.
- ⁸ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 169. Картон 36. Ед. хр. 47. Л. 1–4.
- ⁹ ОР РГБ. Ф. 169. Картон 36. Ед. хр. 49. Л. 1.
- ¹⁰ Там же. Ед. хр. 43. Л. 1 – 2 об.
- ¹¹ Там же. Ед. хр. 51. Л. 1–12.
- ¹² Там же. Л. 10.
- ¹³ Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи. С. 266.
- ¹⁴ ОР РГБ. Ф. 169. Картон 36. Ед. хр. 51. Л. 12.
- ¹⁵ Там же. Ед. хр. 53. Л. 1.
- ¹⁶ Там же. Л. 3 об.
- ¹⁷ Милотин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. С. 432.
- ¹⁸ Милотин Д. А. Воспоминания... 1863–1864. С. 128.
- ¹⁹ Милотин Д. А. Воспоминания... 1865–1867. М., 2005. С. 272.
- ²⁰ Там же. С. 388.
- ²¹ Там же. С. 457.
- ²² Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи. С. 302.
- ²³ Сенкевич И. Г. Россия и Критское восстание. 1866–1869 гг. М., 1970. С. 79.
- ²⁴ Милотин Д. А. Воспоминания... 1865–1867. С. 539.
- ²⁵ Сенкевич И. Г. Россия и Критское восстание. С. 65.
- ²⁶ ОР РГБ. Ф. 169. Картон 36. Ед. хр. 39. Л. 1.
- ²⁷ Милотин Д. А. Воспоминания. 1865–1867. С. 547.
- ²⁸ ОР РГБ. Ф. 169. Картон 36. Ед. хр. 50. Л. 1.
- ²⁹ Там же. Ед. хр. 45. Л. 7.
- ³⁰ Там же. Ед. хр. 44. Л. 3.
- ³¹ Там же. Ед. хр. 54. Л. 3.
- ³² Милотин Д. А. Воспоминания... 1865–1867. С. 549.
- ³³ Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи. С. 277.
- ³⁴ Милотин Д. А. Воспоминания... 1868 – начало 1873. М., 2005. С. 301.
- ³⁵ Кардашев Ю. П. Военные министры России. 1802–1917. Очерки жизни и деятельности. М., 2023. С. 260.
- ³⁶ Айрапетов О. Р. Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев. СПб., 1998. С. 135.
- ³⁷ Осипова М. Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д. А. Милотин. М., 2005. С. 225.
- ³⁸ ОР РГБ. Ф. 169. Картон 37. Д. 4. Л. 18 об.
- ³⁹ Захарова Л. Г. Д. А. Милотин: военный министр и реформатор // Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX – начале XX века. Очерки. М., 2003. С. 38.
- ⁴⁰ Айрапетов О. Р. Забытая карьера «русского Мольтке». С. 131.
- ⁴¹ [Милотин Д. А.] Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милотина. 1873–1875. М., 2008. С. 209.
- ⁴² Захарова Л. Г. Д. А. Милотин: военный министр и реформатор. С. 37.
- ⁴³ Милотин Д. А. Дневник... 1876–1878. М., 2009. С. 50.
- ⁴⁴ Там же. С. 58.
- ⁴⁵ Кочуков С. А. «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 годов в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов, 2012. С. 196.
- ⁴⁶ [Валуев П. А.] Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. II. 1865–1876 гг. М., 1961. С. 352.

- ⁴⁷ Милотин Д. А. Дневник... 1876–1878. С. 84.
- ⁴⁸ Там же. С. 90.
- ⁴⁹ Там же. С. 91.
- ⁵⁰ Там же. С. 99.
- ⁵¹ Там же. С. 83.
- ⁵² Там же. С. 110.
- ⁵³ Там же. С. 129.
- ⁵⁴ Аирапетов О. Р. Забытая карьера «русского Мольтке». С. 150.
- ⁵⁵ Захарова Л. Г. Д. А. Милотин: военный министр и реформатор. С. 45.
- ⁵⁶ Милотин Д. А. Дневник... 1876–1878. С. 170.
- ⁵⁷ Там же. С. 188.
- ⁵⁸ Осипова М. Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д. А. Милотин. С. 228.
- ⁵⁹ Милотин Д. А. Дневник. 1876–1878. С. 193.
- ⁶⁰ Там же. С. 196.
- ⁶¹ Там же. С. 211.
- ⁶² Там же. С. 234.
- ⁶³ Кардашев Ю. П. Военные министры России. С. 264.
- ⁶⁴ Захарова Л. Г. Д. А. Милотин: военный министр и реформатор. С. 34.
- ⁶⁵ Д. А. Милотин: министр, военачальник, ученый. СПб., 2017. С. 206.

References

- Airapetov, O.R. *Vneshnyaya politika Rossiiskoi imperii (1801–1914)* [Foreign Policy of the Russian Empire (1801–1914)]. In Russ.]. Moscow, Evropa publ., 2006. 668 p.
- Airapetov, O.R. *Zabytaya kar'era "russkogo Mol'tke". Nikolai Nikolaevich Obruchev (1830–1904)* [The Forgotten Career of the “Russian Moltke”. Nikolai Nikolayevich Obruchev (1830–1904)]. In Russ.]. St. Petersburg, Aleteiya publ., 1998. 314 p.
- Kardashhev, Yu. P. *Voennye ministry Rossii. 1802–1917. Ocherki zhizni i deyatel'nosti* [Ministers of War of the Russian Empire. 1802–1917. Essays on the Life and Work. In Russ.]. Moscow, Pero publ., 2023. 744 p.
- Kochukov, S. A. *“Za brat'ev-slavyan”: Russko-turetskaya voina 1877–1878 godov v восприятии общества, власти и армии Rossiiskoi imperii* [“For the Slavic Brothers”: the Russo-Turkish War of 1877–1878 in the Perception of Society, Power and Army of the Russian Empire. In Russ.]. Saratov, Saratov State University press, 2012. 298 p.
- Osipova, M.N. *Velikii russkii reformator fel'dmarshal D.A. Milyutin* [The Great Russian Reformer Field Marshal Dmitry Milyutin. In Russ.]. Moscow, Anumi Fortitudo publ., 2005. 320 p.
- Senkevich, I. G. *Rossiya i kritskoe vosstanie. 1866–1869 gg.* [Russia and the Cretan revolt. 1866–1869. In Russ.]. Moscow, Nauka publ., 1970. 212 p.
- Zakharova, L.G. Milyutin: voennyyi ministr i reformator [Milyutin. Minister of War and Reformer. In Russ.]. In Rybachenok, I. S. (ed.). *Rossiya: mezhdunarodnoe polozhenie i voennyyi potentsial v serедине XIX – начale XX veka. Ocherki*. Moscow, 2003. P. 5–68.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

С. С. Курочкин. Взгляды Д. А. Милютина на балканскую политику Российской империи в 1861–1877 гг. // Петербургский исторический журнал. 2025. № 4. С. 171–183.

DOI: 10.51255/2311-603X_2025_4_171

Аннотация: Целью данной статьи является анализ взглядов военного министра Российской империи Д. А. Милютина на политику России на Балканах в период с 1861 по 1877 г. Анализ делопроизводственной документации и источников личного происхождения из личного фонда министра дает возможность выявить расхождения во взглядах между ним и министром иностранных дел А. М. Горчаковым на проблемы международных отношений, связанные с «восточным вопросом», в ходе поиска путей разрешения международных кризисов, возникавших вследствие внутренней нестабильности Османской империи в рассматриваемый период. Так же благодаря изучению данных источников становится возможной более точная реконструкция военного сотрудничества между Российской империей и княжеством Сербия в 1860-х гг. Исследование источников личного происхождения, относящихся к периоду Восточного кризиса 1875–1877 гг., дает возможность восстановить картину участия Д. А. Милютина в процессе принятия решения об объявлении Россией войны Османской империи в 1877 г.

Ключевые слова: Д. А. Милютин, А. М. Горчаков, император Александр II, Военное министерство Российской империи, Великие реформы Александра II, «восточный вопрос», русско-турецкая война 1877–1878 гг., российско-сербские отношения, дипломатия, международные отношения в XIX в.

FOR CITATION

S. S. Kurochkin. D. A. Milyutin's Views on the Balkan Policy of the Russian Empire in 1861–1877 // Petersburg Historical Journal, no. 4, 2025, pp. 171–183. DOI: 10.51255/2311-603X_2025_4_171

Abstract: This article provides an examination of the political standpoint adopted by Dmitry Milyutin, Minister of War of the Russian Empire, with regard to the policy of the Russian Empire in the Balkan region during the period 1861–1877. The analysis of official data and personal sources from the minister's personal archival fund has revealed a divergence of views between him and the Foreign Minister, Alexander Gorchakov, on the issues of international relations related to the 'Eastern question'. This research has enabled the investigation of the search for solutions to international crises arising from the internal instability of the Ottoman Empire. The present study draws upon a range of historical sources to provide a detailed examination of the military cooperation that was established between the Russian Empire and the Principality of Serbia during the 1860s. The present study has sought to analyse the personal sources related to the period of the Great Eastern Crisis (1875–1877) to investigate the participation of Dmitry Milyutin in the decision-making process that led to the declaration of war on the Ottoman Empire.

Key words: Dmitry Milyutin, Alexander Gorchakov, Alexander II of Russia, Ministry of War of the Russian Empire, government reforms of Alexander II, Eastern question, Russo-Turkish War (1877–1878), Russia-Serbia relations, diplomacy, international relations in the 19th century.

Автор: Курочкин, Сергей Сергеевич — к.и.н., научный сотрудник отдела всеобщей истории СПбИИ РАН, доцент кафедры Р10 «Философия» БГТУ «Военмех» им. Д. Ф. Устинова (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Kurochkin, Sergei Sergeevich — PhD in History, Researcher at the Department of General History of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor (Faculty R, Department R 10 "Philosophy") Baltic State Technical University "Voenmeh" (St. Petersburg, Russia).

E-mail: queen123@yandex.ru

ORCID: 0009-0005-3654-934X